

Munich Personal RePEc Archive

Interaction of the CIS countries with Asian integration projects

Libman, Alexander

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

2006

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/16620/>
MPRA Paper No. 16620, posted 06 Aug 2009 16:52 UTC

**Центр проблем интеграции
Института экономики
Российской академии наук**

**Взаимодействие стран СНГ с азиатскими
интеграционными группировками**

Москва – 2006

Оглавление

Введение	3
1. Азиатские интеграционные группировки и постсоветское пространство	5
2. Интеграционные проекты Ближнего и Среднего Востока	14
<i>2.1. Организация экономического сотрудничества</i>	14
<i>2.2. Организация Исламская конференция</i>	18
<i>2.3. Специализированные интеграционные проекты для «большой» Центральной Азии</i>	22
3. Шанхайская организация сотрудничества и интеграция на постсоветском пространстве	27
Заключение	46

Введение

Формирование и развитие постсоветского пространства на протяжении последних пятнадцати лет связано с участием его стран во множестве региональных и интеграционных сообществ. Помимо собственно постсоветской интеграции, породившей множество альтернативных интеграционных проектов, на структурирование постсоветского мира влияют и интеграционные группировки с участием других стран мира. Для стран «западного фланга» СНГ (и, в какой-то мере, Закавказья) речь идет, прежде всего, о Европейском Союзе и его программах (например, Европейской политике добрососедства), а также о структурах подобных Черноморскому экономическому сотрудничеству. Для «восточного фланга» основной интерес представляют интеграционные группировки стран Ближнего и Среднего Востока и Восточной Азии.

Настоящее исследование посвящено взаимодействию азиатских государств СНГ и «внешних» по отношению к Содружеству региональных интеграционных группировок. Работа построена следующим образом: первоначально мы рассмотрим общую логику взаимодействия стран СНГ и азиатских интеграционных группировок. Затем мы проанализируем региональные интеграционные группировки стран Ближнего и Среднего Востока, участниками которых стали государства постсоветской Центральной Азии. Речь идет как о «спонтанно сформировавшихся группировках», например, Организации экономического сотрудничества (ЭКО) и Организации Исламской конференции (ОИК), так и о «специализированных» проектах, созданных региональными и глобальными организациями для «большой Центральной Азии». Следующий раздел посвящен участию стран СНГ в интеграционных группировках Восточной Азии, прежде всего, в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

При изучении каждой интеграционной группировки нас интересуют три вопроса. Во-первых, мы попытаемся описать *текущий формат* участия стран СНГ в региональном проекте и *существующие инициативы по его расширению*. Во-вторых, нас интересует *потенциал* формирования региональной интеграционной группировки как с точки зрения интересов *стран-гегемонов* (в случае их наличия), так и *автономной способности к принятию решений* (governance capacity) регионального проекта. И, в-третьих, на основе выводов первого и второго вопросов можно будет сделать *прогноз* потенциального воздействия проекта на структурирование региона.

Среди стран СНГ нас интересует, прежде всего, Центральная Азия и в какой-то степени Азербайджан, хотя положение последнего как участника Европейской политики добрососедства является промежуточным между «западным» и «восточным» флангами постсоветского пространства. Мы не рассматриваем отдельно взаимодействие России с интеграционными группировками на азиатском континенте (включающее в себя, например, сотрудничество с АТЭС и АСЕАН).

Настоящий доклад подготовлен старшим научным сотрудником Центра проблем интеграции Института экономики РАН, к.э.н. **А.М.Либманом** при участии заместителя заведующего Центром проблем интеграции Института экономики РАН, к.э.н. **М.Ю. Головнина**. Работа над докладом в основном завершена в августе 2006 г. Мнение автора доклада может не совпадать с мнением Центра проблем интеграции. Финансирование проекта исследования осуществлялось за счет пожертвования на благотворительные цели Благотворительного резервного фонда.

1. Азиатские интеграционные группировки и постсоветское пространство

После периода начала 1990-х гг., когда ключевой задачей центрально-азиатских режимов являлось усиление собственной власти и поиск ренты за счет взимания налогов и экспорта природных ресурсов, последние годы стали временем все большей интенсификации усилий по развитию региональной кооперации. При этом, однако, основное внимание до сих пор уделяется внутрирегиональным соглашениям или интеграции на постсоветском пространстве: согласно данным Азиатского банка развития на март 2006 г., среди подписанных, предложенных и реализующихся в регионе 39 соглашений о зоне свободной торговли или торговых преференциях, участники вне СНГ имелись лишь в четырех: предложенных преференциальных соглашениях Пакистана с Казахстаном и Таджикистаном, а также проектирующейся зоне свободной торговли ШОС и ЭКО¹. При этом как постсоветские, так и азиатские интеграционные группировки в регионе (опять-таки, в отличие от ЕС и Европейской политики добрососедства) разделяют несколько общих черт: (1) широкая повестка дня для кооперации, (2) стремление к принятию рамочных документов и деклараций, (3) крайне ограниченные практические результаты, достигнутые к настоящему времени и (4) отсутствие механизмов обеспечения выполнения достигнутых соглашений². Однако, несмотря на это, взаимодействие стран СНГ с азиатскими интеграционными группировками все же представляется важной темой для исследований.

---

¹ Dowling M., Wignaraja G. Central Asia After Fifteen Years of Transition: Growth, Regional Cooperation and Policy Choices. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration, 2006, July, no. 3.

² Regional Cooperation in Central Asia: A View from the Kyrgyzstan. Problems of Economic Transition, 2005, Vol. 48, No. 8.

Анализ взаимодействия азиатских стран СНГ с мировыми интеграционными группировками может осуществляться с двух точек зрения. Прежде всего, они могут рассматриваться как *альтернативные постсоветской интеграции региональные проекты*. В настоящее время Центральная Азия стала местом конкуренции множества проектов регионализации³, конечным результатом которых может стать формирование нового международно-политического и экономического региона. В то же время в кратко- и среднесрочной перспективе, в отличие от европейского фланга Содружества, для азиатского фланга полная интеграция во «внешний» по отношению к постсоветскому миру проект представляется маловероятной. Азиатский регион СНГ оказался в значительно большей степени сплочен – не столько «согласием элит», сколько характером вызовов и угроз⁴. Внешние интеграционные группировки, с которыми взаимодействуют государства Центральной Азии и Азербайджан, значительно слабее и менее притягательны, чем Европейский Союз. Это связано с различными факторами.

Что касается интеграционных группировок Ближнего и Среднего Востока, то они вызывают интерес у стран СНГ, прежде всего, с точки зрения этнических, культурных и исторических взаимосвязей, к которым добавилась активная политика Турции и Ирана на постсоветском пространстве. Однако подавляющее большинство многочисленных интеграционных проектов в странах Западной Азии за прошедшие пятьдесят лет продемонстрировали крайне низкую результативность⁵. Причины такой ситуации, на наш взгляд, в определенной степени схожи с причинами существования парадокса постсоветской интеграции:

---

³ Казанцев А.А. Центральная Азия: институциональная структура международных взаимодействий в становящемся регионе. Политические исследования, 2005, №2.

⁴ См. дискуссию по поводу этого вопроса в: Наринский М.М., Малыгин А.В. Проблемы развития Содружества Независимых Государств на современном этапе. Доклад на конференции «10 лет СНГ-поиски, потери, приобретения», Волгоград, 25-27 сентября 2001 г.

повторяющихся попыток создания интеграционных объединений при их крайне низкой действенности⁶.

Прежде всего, в основном речь идет об авторитарных и полуавторитарных режимах. Как известно, их способность к решению социальных дилемм значительно ниже. Как правило, для достижения успеха требуется наличие ярко выраженного гегемона или сильной внешней угрозы, однако ни тот, ни другой фактор в регионе Ближнего и Среднего Востока не прослеживаются. В ЭКО на роль гегемона могут претендовать как Турция, так и Иран (реализующие, кстати говоря, принципиально различные модели развития). В Организации Исламской конференции на сегодняшний день доминирующую роль играют арабские страны Персидского залива, но это носит, скорее, организационный характер, чем связано с реальными соотношениями властных потенциалов. К тому же страны региона нередко разделены линиями многочисленных конфликтов интересов; уровень доверия между ними значительно ниже, чем между демократическими государствами. С другой стороны, имитация кооперации является фактором международной легитимации авторитарных режимов и их внешней политики (когда каждая страна, претендующая на региональное лидерство, выступает с собственным интеграционным проектом).

Следует оговориться, что с точки зрения теории международной политической экономики и политической экономики, ситуация, правда, является несколько более сложной. Эмпирические исследования в принципе подтверждают приведенный вывод о низкой способности недемократических государств к кооперации в условиях отсутствия

---

⁵ См., например, отдельные работы, опубликованные в: Hudson M.C. (ed.) Middle East Dilemma: The Politics and Economics of Arab Integration. Tauris & Co, 1999; Восток/Запад: региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: РОССПЭН, 2002.

⁶ См.: Libman A. Bottom-Up and Top-Down Integration in the Post-Soviet Space. Paper presented at the CSGR/CIGI/UNU-CRIS Conference on "Regionalisation and the Taming of Globalisation? Economic, Political, Security, Social and Governance Issues", Warwick, UK, 2005.

гегемонии⁷. Однако с другой стороны, на стабильность союза влияет структура вето-игроков в странах-членах⁸. Рост числа вето-игроков снижает вероятность успешного создания союза в силу опасений относительно возможных перераспределительных эффектов⁹, но общая способность стран к принятию радикальных решений (например, о выходе из союза) по мере роста числа вето-игроков также снижается. Поэтому большое число вето-игроков снижает эффективность союза, но повышает его стабильность, хотя низкая эффективность остается долгосрочной «бомбой замедленного действия». Авторитарные государства являются крайним примером структур с малым числом вето-игроков, в демократиях их число обычно возрастает. Во-вторых, многие работы в области литературы по эндогенной централизации утверждают, что демократиям свойственны субоптимально малые размеры юрисдикций, в том числе и международных союзов¹⁰. Однако в регионе Ближнего и Среднего Востока явно прослеживается негативное воздействие природы политических режимов на интеграционные проекты: наибольших успехов в этом отношении добилась Турция, также характеризующаяся максимальным прогрессом по пути демократии.

Существуют и другие факторы, снижающие привлекательность региональных интеграционных инициатив для постсоветских государств. Во-первых, следует учитывать то обстоятельство, что панисламские проекты, играющие важную роль в интеграционных инициативах, вызывают опасения светских режимов, к которым относится и

---

⁷ См., например: Mansfield E.D., Milner H.V., Rosendorff B.P. Why Democracies Cooperate More: Electoral Control and International Trade Agreement. *International Organization*, 2002, Vol. 56, No. 3; Mansfield E.D., Peverhouse J.C. Democratization and International Organizations. *International Organization*, 2006, Vol. 60. Впрочем, альтернативная логика приводится в: Matsushita H. The First Integrated Wave of Regionalism and Democratization in the Americas. *Japanese Journal of American Studies*, 2000, No.11, pp. 27-30

⁸ Данный термин рассматривается в: Tsebelis G. *Veto Players: How Political Institutions Work*. Princeton, 2002.

⁹ См., например: Mansfield E.D., Milner H.V., Peverhouse J.S. Vetoing Cooperation: The Impact of Veto Players on International Trade Agreements. Mimeo, 2005; Mansfield E.D., Milner H.V., Peverhouse J.S. Democracy, Veto Players and the Depth of Regional Intergation. Mimeo, 2005.

большинство стран постсоветской Центральной Азии. Иначе говоря, внутренние политические противоречия в постсоветских странах препятствуют их интеграции в «альтернативный» международно-политический регион. Во-вторых, сравнительно низкий уровень развития экономик стран региона также не является фактором, содействующим интеграции. Низкая доля внутриотраслевой торговли, неизбежная для стран с невысоким уровнем развития, осложняет балансирование страновых сравнительных преимуществ, необходимых для успешного функционирования интеграционной группировки. Что касается «специализированных» проектов Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (Central Asia Regional Economic Cooperation – CAREC, ЦАРЭС), изначально созданного Азиатским банком развития (АБР), и Специальной программы ООН для экономик стран Центральной Азии (UN Special Program for the Economies of Central Asia – SPESA, СПЕКА), организованной региональными структурами ООН, то они (просто в силу своего генезиса) жестко зависят от организационно-спонсоров и, соответственно, едва ли могут стать действенной альтернативной региональной интеграции.

В то же время альтернативные интеграционные проекты все же могут оказать важное воздействие на развитие стран региона. Прежде всего, они создают основу для кажущегося отсутствия эффекта «тени будущего» (несмотря на уже описанную общность угроз и проблем), играющего важную роль в числе институциональных факторов формирования социальной дилеммы на постсоветском пространстве¹¹.

Во-вторых, все сказанное выше справедливо для краткосрочного периода существования капитала «социальной интеграции»

---

¹⁰ См.: Alesina A., Spolaore E. The Size of Nations. Cambridge: MIT Press, 2003; Goyal S., Staal K. The Political Economy of Regionalism. European Economic Review, 2004, Vol. 48.

¹¹ Либман А.М. Экономическая интеграция на постсоветском пространстве: институциональный аспект. Вопросы экономики, 2005, №3.

постсоветского мира. Однако в долгосрочной перспективе этот «капитал» в отсутствие эффективных интеграционных проектов или резкого экономического рывка России, сопровождающегося повышением привлекательности ее для населения соседних стран (а ни то, ни другое не представляется нам с учетом общей логики происходящих политико-экономических процессов вероятным), с неизбежностью будет исчезать, а «традиционный» социальный капитал региона - наращиваться. В этой ситуации выбор между различными вариантами неэффективной интеграции будет не столь очевидным. Мы не считаем такое развитие событий неизбежным даже в долгосрочной перспективе (важную роль играют спонтанные процессы трудовой миграции и корпоративной интеграции), но они могут сыграть свою роль¹².

Несколько иная ситуация складывается с Шанхайской организацией сотрудничества, хотя при этом речь идет в основном о потенциале - ее текущие достижения в принципе не превышают результатов, достигнутых ЭКО или ОИК. Прежде всего, в отличие от многочисленных интеграционных проектов Ближнего и Среднего Востока, ШОС представляет собой первую попытку «интеграции Китая на запад», то есть институциональной структуры с его участием и доминированием в Центрально-Азиатском регионе. Таким образом, в отличие от ЭКО или ОИК, в ШОС присутствует (пусть и потенциальный) гегемон, способный сформировать устойчивый международный союз даже среди недемократических государств. К тому же логика ШОС – скорее, международно-политическая, нежели обусловленная традиционным (и потенциальным) капиталом социальной интеграции. Наоборот, как будет

---

¹² Согласно некоторым оценкам, уже сегодня культурно-исторический фактор является более важным, чем «советское прошлое», в формировании институтов стран СНГ. См.: Фурман Д.Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве. Свободная мысль – XXI, 2004, № 10. Впрочем, наши наблюдения лишь частично подтверждают этот вывод, см.: Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ. Проблемы прогнозирования, 2006, №5.

показано ниже, дефицит социальной интеграции и сильная культурная дифференциация Китая и постсоветских стран является, скорее, препятствием в развитии широкомасштабной кооперации.

Большим преимуществом ШОС является «эволюционный» характер ее формирования на основе многолетней практики международного взаимодействия в регионе¹³; в этом ШОС качественно отличается как от «специально учрежденных» структур ЦАРЭС, СПЕКА и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), так и создававшихся в принципе для других систем международных отношений, но «расширившихся» на постсоветское пространство ЭКО и ОИК. На наш взгляд, эволюционный характер формирования институтов, хотя и указывает на их возможную стабильность и способность к адаптации, еще не позволяет делать нормативные оценки с точки зрения воздействия на другие социоэкономические параметры. Помимо сценария социокультурной эволюции по Ф.А. фон Хайеку с «отбором» наиболее эффективных институтов, не исключен и сценарий по Д. Нортю, в котором эволюционно устойчивыми становятся институты, консервирующие неэффективное распределение властных отношений.

В настоящее время ШОС является сравнительно молодой интеграционной структурой, что не позволяет четко сделать вывод относительно основных приоритетов развития, которые поставят перед собой государства-участники. В зависимости от их выбора ШОС может сыграть различную роль в регионе – от инструмента международной системы коллективной безопасности до еще одного «союза недемократических государств», реализующую псевдоинтеграцию по образцу «Священного союза» по типу СНГ. Соответственно, будут

---

¹³ Austin G. European Union Policy Responses to the Shanghai Cooperation Organization. EIAS Publication BP 02/04, 2002.

различаться и эффекты ШОС для политического и экономического развития России.

Второй взгляд на сотрудничество азиатских региональных интеграционных группировок позволяет рассматривать их с точки зрения логики *открытого регионализма*. В этой ситуации основное внимание уделяется формированию переплетающимися региональными интеграционными группировками системы экономических и политических взаимосвязей, реализации конкретных проектов, а не разделу экономического пространства между отдельными замкнутыми сообществами. С этой точки зрения все интеграционные проекты, обсуждающиеся далее, могут оказать позитивное воздействие на экономическое и политическое развитие, содействуя росту взаимозависимости национальных экономик¹⁴. Конечно, такая модель не лишена недостатков – например, ее побочным эффектом является возникновение «спагетти» региональных торговых соглашений (spaghetti-bowl), то есть множества многосторонних зон свободной торговли с различным числом участников, резко повышающих издержки взаимодействия частных структур¹⁵. Однако даже такое решение может рассматриваться как лучшее из реализуемых (second best) в условиях сложных социальных дилемм, препятствующих кооперации в международных экономических отношениях.

Уровень интеграции стран Центральной Азии в структуру азиатских региональных союзов неодинаков. Однако важным (и во многом обнадеживающим для России) является тот факт, что, в отличие от «западного фланга СНГ», где активность в европейских интеграционных проектах практически автоматически означает снижение внимания к

---

¹⁴ Шишков Ю. Глобализация и регионализация мирового хозяйства – две стороны одной медали. Мир перемен, 2005, №1.

¹⁵ См., например: Nunnenkamp P. Ist diesmal alles anders? Die neue Welle regionaler Integration in Lateinamerika aus europäischer Perspektive. Kieler Arbeitspapier Nr. 1026, 2001, Februar.

региональной интеграции на постсоветском пространства, в Азии такой дифференциации не наблюдается. Так, Казахстан, однозначно являющийся наиболее активным участником СНГ, ЕЭП и ЕврАзЭС, входит в число стран, уделяющих большое внимание ШОС. Кыргызстан и Таджикистан, как нам представляется, на сегодняшний день несколько активнее в рамках постсоветского, чем азиатского интеграционного вектора. Узбекистан до недавнего времени был крайне пассивен на постсоветском пространстве, однако в настоящее время его активность резко выросла – параллельно с повышением внимания к структурам ШОС. Туркменистан крайне сдержан в своих региональных инициативах в СНГ, однако участвует в некоторых региональных программах азиатского вектора – ЭКО и СПЕКА¹⁶. Впрочем, причины такого совпадения тоже достаточно очевидны – в отличие от «действенной» региональной группировки ЕС, сотрудничество с которой предполагает принятие на себя конкретных обязательств, азиатская интеграция значительно ближе к постсоветской по отсутствию конкретных целей и во многом риторическом характере принимаемых шагов.

---

¹⁶ Badykova N. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Turkmenistan. Problems of Economic Transition, 2005, Vol. 48, No. 8.

2. Интеграционные проекты Ближнего и Среднего Востока

2.1. Организация экономического сотрудничества

Организация экономического сотрудничества (Economic Cooperation Organization - ECO) является старейшей экономической интеграционной группировкой, напрямую распространившей свое присутствие в Центрально-Азиатском регионе. Первоначально ЭКО была учреждена в 1985 г. Ираном, Пакистаном и Турцией как преемник Регионального сотрудничества ради развития (Regional Cooperation for Development), функционировавшего в 1964-1979 гг. В 1992 г. в состав ЭКО вступили все пять центральноазиатских постсоветских государств, а также Афганистан и Азербайджан. Руководство ЭКО осуществляют четыре органа, один из которых функционирует на постоянной основе:

- Совет министров, в состав которого входят министры иностранных дел государств-членов Организации, является высшим органом ЭКО. Совет проводит регулярные заседания раз в год. По инициативе Совета могут быть проведены заседания аналогичных Советов, включающих в себя отраслевых министров стран ЭКО. Большинство полномочий Совета министров включает в себя сугубо внутренние полномочия организации (определение ее бюджета, утверждение отчета и назначение генерального секретаря), а также консультационные функции (подготовка саммитов руководителей Организации «в верхах»).
- Региональный плановый совет, состоящий из глав плановых организаций или аналогичных министерств стран ЭКО, координирует экономические интеграционные инициативы в рамках ЭКО. Задачей совета является формирование базовых стратегий и планов функционирования организации.

- Совет постоянных представителей, в состав которого входят послы стран-членов, аккредитованные при международной организации, в основном осуществляет ряд контрольных и отчетных функций при подготовке заседания Совета министров и Регионального планового совета.
- Постоянным координирующим органом ЭКО является секретариат. Большинство функций данной структуры сводится к обмену информацией и технической поддержке решений ЭКО.

Помимо указанных органов, в ЭКО создан целый ряд институтов, осуществляющих взаимодействие стран по отдельным направлениям. Во многих случаях их членами являются лишь отдельные группы стран ЭКО. В подавляющем большинстве случаев организации и институты были созданы в 1995 г.:

- Компания судоходства ЭКО была создана Афганистаном, Ираном, Казахстаном, Кыргызстаном, Пакистаном и Туркменистаном. В собственности компании находится два многоцелевых судна, осуществляющих широкий спектр задач по поручению стран-членов.
- Авиационный проект ЭКО (ЕСО Air) в настоящее время находится в стадии разработки; первоначальный проект реализовывался в 1993-2001 гг., однако не получил необходимой организационной и финансовой поддержки стран-членов ЭКО.
- Торгово-промышленная палата ЭКО включает в себя представителей национальных торгово-промышленных палат и является органом содействия экономическому взаимодействию и торговле.
- Банк торговли и развития ЭКО является региональным банком развития, содействующим реализации проектов в области торговли и развития. В настоящее время в состав Банка входят только Иран, Пакистан и Турция.

- Перестраховочная компания ЭКО была создана для оказания страховых услуг с целью развития национальных страховых рынков и предотвращения оттока иностранных инвестиций. Как и в Банке торговли и развития, членами Перестраховочной компании являются только Иран, Пакистан и Турция.
- Культурный институт ЭКО организован для содействия развитию контактов и взаимодействия в области культуры стран ЭКО. Членами Культурного института являются Афганистан, Азербайджан, Иран, Казахстан, Пакистан, Таджикистан, Турция и Туркменистан.
- Научный фонд ЭКО направлен на содействие сотрудничеству в области науки и техники стран ЭКО. Членами Фонда являются Азербайджан, Иран, Пакистан, Таджикистан и Туркменистан.
- Образовательный институт ЭКО в настоящее время находится в стадии проекта; его создание было предложено в 1998 г. и в настоящее время ратифицировано Ираном, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

ЭКО позиционирует себя, прежде всего, как экономическая и социальная интеграционная группировка, основное внимание уделяющая реализации конкретных проектов сотрудничества. Большинство проектов реализуется во взаимодействии с другими организациями: Международным центром торговли, Исламским банком развития, Организацией по продовольствию и сельскому хозяйству ООН и другими. В число основных проектов, находившихся в центре внимания ЭКО с 2002 г., входят:

- Проект ЭКО и Международного центра торговли по развитию торговых отношений.
- Проект ЭКО и Исламского банка развития (ИБР) по созданию мультимодальной транспортной системы.

- Проект ЭКО и ИБР по оценке возможности интеграции энергетических сетей.
- Региональная программа ЭКО и Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН в области продовольственной безопасности.
- Проект ЭКО и Программы развития ООН по ликвидации барьеров в области внешней торговли между странами.
- Проект ЭКО и Программы контроля распространения наркотиков ООН по противодействию наркоторговле.
- Проект ЭКО и АСЕАН по совершенствованию кооперации между этими двумя интеграционными группировками.

В настоящее время в число приоритетов структуры входит содействие реконструкции в Афганистане. Отдельными директоратами секретариата ЭКО реализуются различные проекты, значимые для региона. Например, в транспортной области ЭКО интегрирует свою деятельность в структуры TRASECA, а также реализует целый ряд региональных проектов. В сфере торговли и инвестиций ЭКО разрабатывает зону свободной торговли на основе подписанного в 2004 г. торгового соглашения ЭКО (ЕСОТА). Помимо этого, осуществляются конкретные проекты, содействующие интенсификации региональной торговли. ЭКО осуществляет проекты по интеграции энергетических сетей, развитию очистки и переработки нефти, повышению энергоэффективности, организации торговли электроэнергией. С 1993 г. ЭКО имеет статус наблюдателя в ООН и сотрудничает с этой организацией.

В какой-то степени схожей структурой с ЭКО является **Тюркское сотрудничество (Turk Cooperation)**, созданное в 1992 г. Турцией с участием всех стран Центральной Азии, кроме Таджикистана, а также Азербайджаном. Проект сотрудничества уделял основное внимание культурным вопросам и во многом являлся рамочной структурой для

двухсторонних отношений Турции и тюркоязычных постсоветских государств¹⁷. В настоящее время, насколько можно судить, Турция во многом прекратила активное воздействие на страны южного фланга СНГ, хотя и является ключевым игроком во многих гуманитарных сферах (скажем, образовательной)¹⁸. В принципе данная структура могла бы сыграть важную роль, с учетом наличия «претендента» на гегемонию в виде Турции. Однако можно усомниться в том, что апелляция к тюркской кооперации сейчас является действенной для элит центральноазиатских стран, и в какой степени культурная и языковая близость может содействовать проведению реальных интеграционных инициатив.

2.2. Организация Исламская конференция

Организация Исламская конференция является старейшей структурой в регионе (она была основана в 1969 г.), а также наиболее широкой по структуре членства: в ОИК входят пятьдесят семь стран на трех континентах (Европе, Азии и Африке). Среди постсоветских государств в ОИК входят Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Наблюдателем в ОИК является Россия. Как следует из самого названия ОИК, основу организации составляет религиозная общность стран на основе ислама (хотя далеко не во всех государствах ОИК мусульмане составляют большинство населения). Первоначально создание ОИК было связано с палестинским вопросом, однако со временем Организация значительно расширила спектр своих задач, приняв на себя набор экономических и политических функций.

---

¹⁷ Güreer H. Forms of Regional Cooperation in Central Asia. Ebnöther A.H., Felderbauer E.M., Malek M. (eds.). Facing the Terrorist Challenge: Central Asia's Role in Regional and International Cooperation. Vienna and Geneva: DCAF, 2005, April, p. 13.

¹⁸ См.: Колеров М. Что мы знаем о постсоветских странах. Лекция на Polit.ru, <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/04/koleroov.html>, 2006, 07.04.

Высшим органом ОИК является собирающаяся раз в три года Конференция королей, глав государств и правительств. Ежегодно собирается Конференция министров иностранных дел. Постоянно действует Генеральный секретариат ОИК, глава которого избирается сроком на четыре года. Решения ОИК принимаются большинством в две трети голосов, однако в основном носят риторический характер (как в таких структурах, как Генеральная ассамблея ООН), а не ориентированы на реализацию конкретных проектов. Специализированные структуры ОИК направлены на решение конкретных проблем: комитет по Афганистану, Исламский комитет солидарности с регионом Сахеля, Комитет по Палестине, Конференция министров по филиппинским мусульманам, контактные группы по Боснии и Герцеговине, по Сомали и по Джамму и Кашмиру, комитет по Сьерра-Леоне и комитет по реформе ООН.

В целом ОИК характеризуется крайне разветвленной институциональной структурой. Она включает в себя целый ряд постоянных комитетов: по проблеме Аль-Кудс (Иерусалим), информационных и культурных дел, экономического и торгового сотрудничества, научно-технического сотрудничества, исламский комитет экономических, культурных и социальных дел и постоянный финансовый комитет. Как и в случае с ЭКО, с ОИК аффилирован целый ряд автономных структур: Исламская торгово-промышленная палата, Организация исламских столиц и городов, Спортивная федерация игр исламской солидарности, Исламский комитет Международного полумесяца (организации медицинской помощи), Ассоциация исламских судовладельцев, Международная ассоциация исламских банков, Всемирная федерация международных арабо-исламских школ, Молодежный форум Исламской конференции, Генеральный совет исламских банков и финансовых институтов, Федерация консультантов

исламских стран, Исламская всемирная академия наук и другие. Помимо этого, ОИК включает в себя ряд вспомогательных органов, членство в которых не обязательно для всех стран организации: Центр экономических, статистических и социальных исследований исламских стран, Исламский институт технологии, Исламский центр развития торговли, Исламский фонд солидарности, Исламские университеты Нигера и Уганды. Вспомогательными организациями ОИК с отдельным членством являются Исламский банк развития, Исламская образовательная, научная и культурная организация и Организация радиовещания исламских государств, объединенная с Международным исламским агентством новостей.

В настоящее время конкретное взаимодействие ОИК со странами постсоветского банка связано, насколько нам известно, прежде всего, с осуществлением программ Исламского банка развития. В отдельных случаях страны СНГ использовали трибуну ОИК для деклараций по поводу определенных проблем – например, Азербайджан – по поводу Нагорно-Карабахского конфликта. В 2006 г. очередная конференция министров иностранных дел ОИК прошла в Баку и, в частности призвала Армению к немедленному и безусловному выводу армянских этнических вооруженных формирований с территории Нагорного Карабаха, а страны-члены – к поддержке Азербайджана в вопросах восстановления территориальной целостности.

При анализе ОИК, важно подчеркнуть, что эта организация, в отличие от ЭКО или специализированных интеграционных проектов, является, прежде всего, региональной организацией, а не интеграционным сообществом. То есть она, скорее, служит форумом сотрудничества и взаимодействия в крупном международно-политическом регионе, а не претендует на развитие широкомасштабной интеграции. Как и большинство таких структур (включая и крупнейшую среди них – ООН),

деятельность ОИК во многом ограничивается риторикой. ОИК, помимо всего прочего, характеризуется колоссальной разнородностью стран-членов, что, безусловно, не может не повышать издержки достижения консенсуса.

Для постсоветских режимов ОИК характеризуется также двумя дополнительными проблемами. Во-первых, деятельность ОИК глубоко «увязана» с рядом конфликтов и противоречий, достаточно далеких от интересов центрально-азиатских стран, и, прежде всего – с ближневосточным конфликтом. Попытки «переориентировать» внимание ОИК на более близкие проблемы, конечно, предпринимаются (например, на уже указанный нагорно-карабахский конфликт), однако в крупной и инерционной организации, где, к тому же, важную роль играют арабские страны, успех подобных попыток ограничен. В числе комитетов ОИК, отражающих наиболее важные проблемные регионы организации, из территорий, близких к Центральной Азии, упоминается только Афганистан.

Во-вторых, для светских режимов Центральной Азии «политический ислам» является важной «головной болью»; участие в ОИК, пусть и в косвенном виде, но содействует политизации религиозных тем, к чему страны СНГ не могут не относиться с определенной настороженностью. Таким образом, на наш взгляд, ОИК в обозримой перспективе не сможет сформировать привлекательную интеграционную инициативу для стран Центральной Азии, и, хотя и будет оставаться форумом, играющим определенную роль в международной политике, едва ли «сфокусируется» на проблемах стран Содружества. Конечно, все это справедливо для ситуации отсутствия жестких широкомасштабных конфликтов, однако последняя в принципе делает крайне сложной подготовку сколь бы то ни было действенных прогнозов.

2.3. Специализированные интеграционные проекты для «большой» Центральной Азии

К группе «азиатских интеграционных группировок» с широкомасштабным региональным присутствием в какой-то степени можно отнести и специализированные проекты, созданные международными организациями (ООН и Азиатским банком развития) для региона «большой Центральной Азии» - обычно центральноазиатских стран СНГ и Афганистана. Речь идет о проектах ЦАРЭС, СПЕКА и Центрально-Южноазиатский форум по транспорту и торговле (Central and South Asia Transport and Trade Forum, CSATTF). Проект ЦАРЭС представляет интерес, помимо этого, своей связью с АБР как региональным банком развития для азиатского континента. Общим преимуществом указанных проектов является их четкая ориентация на реальные проекты, нередко получающие реальное внешнее финансирование. Это же, впрочем, определяет и принципиально ограниченный характер действия инициатив; они могут лишь послужить основой полномасштабной интеграции, создавая инфраструктуру для последней за счет реализации общих проектов, а также повышая взаимное доверие участников, но сами по себе не могут приобрести характер автономных проектов. Помимо этого, проекты зависят от поддержки инициатора, которая, в свою очередь, обусловлена сложным комплексом причин. Тем не менее, ограниченный характер проектов вовсе не должен, на наш взгляд, отождествляться с критическим отношением к ним; на уровне специализированных проектов может быть достигнуто немало важных целей для экономики, тем более, что в них минимальна угроза «псевдоинтеграционных» проблем.

Деятельность программы **Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества** уже рассматривалась в публикациях

Центра проблем интеграции ИЭ РАН¹⁹. Поэтому в настоящей работе мы хотели бы лишь коротко остановиться на основных чертах данного регионального проекта. Участниками ЦАРЭС являются страны Центральной Азии, КНР (с акцентом на Синьцзян-Уйгурский автономный округ), Монголия и (с 2005 г.) Афганистан. Организация была создана в 1997 г. Азиатским банком развития, но с 2003 г. функционирует при поддержке других международных институтов – МВФ, Всемирного банка, ПРООН, ЕБРР и Исламского банка развития. В общем и целом задачей программы является финансирование инфраструктурных проектов и улучшение экономической политики стран региона в трех областях: транспорте, энергетике и торговле и транзите. Обновленная программа ЦАРЭС принята в 2005 г. ЦАРЭС является не только набором программ, но и институциональной инфраструктурой, включающей в себя Офис региональной интеграции, конференции министров и секторальные комитеты. Большое внимание уделяется сотрудничеству ЦАРЭС с другими интеграционными группировками. В какой-то степени можно сказать, что ЦАРЭС представляет собой региональное объединение, созданное для более эффективной реализации программ развития, финансируемых АБР и другими институтами, с учетом «общности вызовов» и объективных преимуществ экономической интеграции в Центральной Азии.

Второй аналогичной трансрегиональной группировкой, создание которой поддерживается АБР, является **Центрально-Южноазиатский форум по транспорту и торговле** (Central and South Asia Transport and Trade Forum, CSATTF). Решение о создании Форума было принято в 2003 г. Афганистаном, Пакистаном, Таджикистаном и Узбекистаном на встрече в Маниле. Основной целью Форума является создание транспортного коридора «Север-Юг» и «Восток-Запад», соединяющего побережье

---

¹⁹ См. Абалкина А.А., Головнин М.Ю., Либман А.М. Модель построения многостороннего банка развития на постсоветском пространстве (с учетом мирового опыта). Научно-аналитические доклады Центра проблем интеграции ИЭ РАН, 2006-1.

Индийского океана и Центральную Азию. Наблюдателем в Форуме является Иран. Функцию секретариата Форума осуществляет АБР. Форум направлен на координацию планирования, реализацию международных проектов и обеспечение их финансирования из частных и государственных источников, дискуссию по вопросам торговли и таможенной политики, поддержку интеграции и обмен и распространение информации. В 2005 г. состоялась вторая конференция министров по вопросам транспорта и торговли в Центральной Азии, участниками которой стали Афганистан, Пакистан, Иран, Таджикистан и Узбекистан, а также (со статусом наблюдателя) КНР, Индия, Казахстан и Кыргызстан, представители ЭКО, Комиссии ЕС, Японского банка международного сотрудничества, ЮНКТАД. На конференции были согласованы основные условия создания Форума. Предлагается наладить интенсивное сотрудничество Форума с ЦАРЭС и ЭКО²⁰.

Специальная программа ООН для экономик стран Центральной Азии также входит в число структур, сформированных международными организациями для «большой Центральной Азии». Данный проект оказался менее удачным, чем ЦАРЭС, что, очевидно, связано с тем, что он был инициирован региональными структурами ООН и пользовался меньшей финансовой поддержкой. Участниками соглашения по СПЕСА, подписанного в 1998 г., первоначально являлись все страны Центральной Азии, кроме Туркменистана, а также ЕЭК ООН и ЭСКАТО ООН (региональные экономические и социальные комиссии Объединенных Наций для Европы и Азии и Тихого океана). Основопологающим документом создания СПЕКА стала Ташкентская декларация, согласно которой основными приоритетами СПЕКА были признаны развитие транспортной инфраструктуры, использование энергетических и водных

---

²⁰ Подробности функционирования Форума рассматриваются в: Towards Harmonization and Modernization of Transit Transport Agreements among the CSATTF Countries. ABR, 2005, November.

ресурсов, совместная стратегия регионального развития и привлечения иностранных инвестиций, а также создание многовариантных путей поставки углеводородного сырья на мировые рынки. Важную роль в первоначальной структуре СПЕКА занимали вопросы экономического развития Таджикистана после окончания в 1997 г. в республике гражданской войны. Позднее к программе присоединились Узбекистан и Азербайджан; в 2005 г. Афганистан был приглашен вступить в СПЕКА, что позволяет нам отнести указанную программу к тематической области настоящего доклада.

В 2004 г. первоначальный круг задач СПЕКА был пересмотрен после запуска так называемой программы «СПЕКА II». Решение об инициации «СПЕКА II» было связано с недостаточной реализацией целей первоначальной СПЕКА из-за разнообразных сложностей политического, организационного и финансового характера. Новая СПЕКА состоит из нескольких крупных блоков: транспорт, содействие торговле, информационные и коммуникационные технологии, водные и энергетические ресурсы и окружающая среда, создание потенциала в области статистики, гендерные проблемы и экономика. В качестве возможных дополнительных областей сотрудничества названы туристический сектор, развитие регионов и отдаленных областей. Важно подчеркнуть, что план предполагает сотрудничество с другими интеграционными группировками, например ШОС, при разработке соглашения по упрощению международных автомобильных перевозок.

Основными органами СПЕКА являются Руководящий совет и Координационный комитет. Руководящий совет состоит из национальных координаторов, представляющих страны СПЕКА, а также исполнительных секретарей ЕЭК и ЭСКАТО. Координационный комитет оказывает содействие работе Руководящего совета и включает в свой состав заместителей национальных координаторов. В структуре СПЕКА созданы

проектные рабочие группы «Транспорт и упрощение пересечения границ», «Водные и энергетические ресурсы», «Торговля», «Статистика», «ИКТ в целях развития», «Гендер и экономика», частью СПЕСА является SNERI – сеть экономических научно-исследовательских институтов. В Женеве учреждена группа «Друзья СПЕКА». В 2005 г. состоялось заседание Делового форума СПЕКА.

Наконец, в определенной степени упоминания в контексте настоящей работы заслуживает и проект **TRASECA**, инициированный ЕС в 1993 г. и направленный на создание евразийской транспортной магистрали. Сам по себе проект едва ли соответствует предмету анализа настоящего доклада, поскольку подавляющее большинство его «внерегистрационных» (не относящихся к СНГ) членов – страны Центральной и Восточной Европы. Однако интересным представляется тот факт, что на основе базы TRASECA страны Центральной Азии осуществляют развитие собственных интеграционных проектов со странами азиатского региона. Например, Таджикистаном подписаны двухсторонние соглашения в автомобильной области с Ираном и Турцией²¹.

---

²¹ Olimova S., Kurbonov S., Petrov G., Kahhorova S. Regional Cooperation in Central Asia: A View from Tajikistan. Problems of Economic Transition, 2006, Vol. 49, No. 9

3. Шанхайская организация сотрудничества и интеграция на постсоветском пространстве

Появление на постсоветском пространстве такой структуры, как Шанхайская организация сотрудничества, безусловно является важнейшим фактором развития региона. Это достаточно четко прослеживается во внимании к ШОС политиков, аналитиков и СМИ, не сопоставимом ни с одной из перечисленных ранее среднеазиатских структур. Главной причиной этого является участие в ШОС в качестве одного из ключевых игроков Китая – страны, по многочисленным оценкам претендующей, как минимум, на региональное, а возможно, и на глобальное лидерство. Таким образом, ШОС оказалась на пересечении нескольких тем, играющих важную роль в дискуссии: как «западный интеграционный проект» для Китая (наряду с «восточным проектом» АСЕАН+3)²² и как проект переустройства постсоветского пространства²³.

Формирование ШОС началось в 1996 г., когда в Шанхае Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Таким образом, интеграция в ШОС во многом является итогом переговоров по вопросам бывшей советско-китайской границы, вызывавшим многочисленные противоречия уже с 1960-х гг. Поэтому первоначально переговоры шли между КНР и «постсоветским блоком»²⁴. В 1997 г. неформальная «шанхайская пятерка» провела заседание в Москве, где было подписано соглашение о взаимном сокращении военных сил в районе границы. Следующие встречи в 1998-2000 гг. в Алма-Ате, Бишкеке и Душанбе уже

---

²² См.: Hilpert H.G., Möller K., Wacker G., Will G. China 2020: Perspektiven für das internationale Auftreten der Volksrepublik. SWP Studie S 32, Oktober 2005.

²³ См.: Gleason G. Inter-State Cooperation in Central Asia from the CIS to the Shanghai Forum. Europe-Asia Studies, 2001, Vol. 53, No. 7.

²⁴ См. Хуашэн Ч. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие материалы Центра Карнеги, 2005, №5.

концентрировались на более широком спектре вопросов; все пять стран занимали отдельные позиции как участники переговоров. В 2000 г. в качестве наблюдателя в дискуссии «пятерки» принял участие Узбекистан. Собственно говоря, такое расширение и поставило вопрос о трансформации неформальной группы лидеров в формальный институт, что и было сделано в 2001 г. уже шестью странами региона (Китаем, Россией и всеми центральноазиатскими государствами СНГ, кроме Туркменистана). На последнем саммите 2006 г. был поставлен вопрос о дальнейшем расширении организации (за счет Пакистана и Ирана), хотя пока в этом отношении решение остается негативным; статус наблюдателей получили Индия, Пакистан и Афганистан, а к тесному сотрудничеству с ШОС стремятся Беларусь и Монголия. Установлены партнерские отношения с секретариатом АСЕАН.

Поскольку ШОС прошла еще достаточно короткий путь от международного форума до сколь бы то ни было структурированной организации, пока еще структура ее задач четко не определена. В число ключевых направлений деятельности ШОС, где уже сегодня осуществляются определенные шаги, входит борьба с терроризмом, с которым сталкиваются в регионе все страны-члены, в том числе и Китай (уйгурский сепаратизм). Именно антитеррористическим вопросам посвящен один из немногих постоянно действующих органов ШОС - Региональная антитеррористическая структура (РАТС), осуществляющая координацию и взаимодействие глав национальных правоохранительных ведомств и спецслужб для противодействия терроризму и экстремизму. Традиционно ШОС большое внимание уделяет ситуации на границах в регионе. В 2005 г. важным документом ШОС стала концепция сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Наконец, в 2004 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Китай создали Евразийскую группу по противодействию

легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), в число инициаторов формирования которой вошла FATF. Группа осуществляет содействие распространению международных стандартов в сфере противодействия отмыванию денег, а также совместным мероприятиям служб финансовой разведки стран ЕАГ.

В отношении других аспектов интеграции ШОС Организация в настоящее время находится на сравнительно ранней стадии. В 2003 г. на саммите ШОС была утверждена программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества, предполагающая создание к 2020 г. благоприятных условий для свободного движения товаров, капиталов, технологий и услуг. В 2004 г. были созданы совместные рабочие группы по электронной торговле, таможенному делу, товарной инспекции и унификации стандартов и инвестициям. В 2006 г. президент России В. Путин выступил с предложением о создании Энергетического клуба ШОС. Прошедший в 2002 г. Форум ШОС ознаменовал собой старт инициатив по формированию делового совета ШОС и фонда развития ШОС. Деловой совет как структура представительства бизнес-структур был создан в 2006 г. В том же году ШОС была одобрена программа действий в поддержку регионального экономического сотрудничества между банками-членами межбанковского объединения в рамках ШОС. Наконец, в настоящее время в ШОС рассматриваются возможности создания научного форума, как так называемой «второй дорожки», обеспечивающей автономное представительство экспертного сообщества²⁵. Однако следует заметить, что экономическое сотрудничество ШОС, несмотря на надежды стран, связанные с данным направлением взаимодействия, до сих пор сталкивается со значительными проблемами²⁶.

---

²⁵ См. Лукин А., Мочульский А. Шанхайская организаций сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития. Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО(У) МИД РФ, 2005, выпуск 2, февраль.

²⁶ Zhao H. Security Building in Central Asia and the Shanghai Cooperation Organization. Slavic Eurasian Studies No. 2 «Slavic Euraisa's Integration into the World Economy and Community», 2004.

Формальная институциональная структура ШОС является достаточно типичной для международных организаций. Высшим органом является Совет глав государств, функционируют Совет глав правительств и отраслевые совещания глав пограничных ведомств, генеральных прокуроров, руководителей правоохранительных органов, министров обороны, министров экономики, министров транспорта, министров культуры, министров по чрезвычайным ситуациям и министров иностранных дел. Характер организации находит отражение и в том, что из девяти совещаний четыре напрямую связаны с вопросами безопасности. Советом министров иностранных дел формируется совет национальных координаторов государств-членов. Постоянно действующим органом является Секретариат ШОС, включающий в себя политическую, экономическую и административно-правовую группу. На постоянной основе действует также Региональная антитеррористическая структура.

Таким образом, на сегодняшний день ШОС обладает потенциалом эволюции в нескольких направлениях. Во-первых, организация может сформировать основу для системы коллективной безопасности в регионе, «продолжая» развитие пограничной тематики. Во-вторых, ШОС может быть преобразована в военно-политический блок, консолидированно выступающий на мировой арене. В-третьих, ШОС может акцентировать внимание на экономической интеграции и создании зоны свободной торговли. В-четвертых, наконец, ШОС может пойти по пути огромного числа псевдоинтеграционных группировок, в реальности не оказывающих серьезного воздействия на международные экономические и политические отношения, но выполняющего специфическую (в основном – внутривнутриполитическую или идеологическую) функцию. И, в-пятых, ШОС может ограничить свои задачи функцией регионального форума,

позволяющего «подробно обсуждать двухсторонние и многосторонние проблемы, а иногда даже решать их»²⁷.

Соответственно, для оценки реальных возможностей ШОС необходимо проанализировать перспективы каждой из упомянутых линий развития, исходя из возможных точек соприкосновения, перспектив и рисков для стран-участниц, а также определить возможные преимущества и недостатки для России при реализации того или иного форматов взаимодействия.

Сообщество коллективной безопасности. В этом случае ШОС концентрируется на решении конкретных проблем безопасности региона (прежде всего, пограничных конфликтов и терроризма), воздерживаясь от сколь бы то ни было действенной согласованной внешнеполитической позиции или экономической интеграции. В принципе формирование таких региональных сообществ, активно идущее по всему миру в течение последних пятидесяти лет, предполагает наличие нескольких условий. Во-первых, страны региона должны осознавать общность стоящих перед ними вопросов. Во-вторых, структура региона должна исключать возможность применения силы и ограничивать конкуренцию за власть между ведущими странами. Должна отсутствовать система оппонирующих друг другу военно-политических альянсов. Результатом этих условий должен стать консенсус в области снижения международной напряженности и укрепления мира.

В принципе большинство этих условий в ШОС выполняется, как минимум, в настоящее время²⁸. Между двумя ведущими странами региона (Россией и Китаем) «войны ... выглядят в нынешней ситуации совершенно невероятными»²⁹, в том числе из-за сохраняющегося фактора ядерного

---

²⁷ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М., Вашингтон: Центр Карнеги, 2005, с. 257.

²⁸ См.: Attina F. Regional Security Partnership: The Concept, Model, Practice and a Preliminary Comparative Scheme. Jean Monnet Working Paper in Comparative and International Politics, 2005, no. 58, July.

²⁹ См. Тренин Д. Угрозы XXI века. Лекция на портале Polit.ru, <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/12/trenin.html>, 2006, 12.07.

сдерживания. Страны Центральной Азии при всех их конфликтах (скажем, соперничестве за лидерство Узбекистана и Казахстана или противоречиях между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу доступа к водным ресурсам) едва ли способны к серьезному противостоянию. С другой стороны, угрозы в сфере безопасности для стран региона являются достаточно однородными: прежде всего, это терроризм и экстремизм различного рода. Поэтому значителен потенциал для сотрудничества. Само по себе разрешение пограничных споров между Китаем и постсоветскими странами в регионе следует считать большим достижением³⁰.

Однако, с другой стороны, не следует забывать, что любые региональные сообщества безопасности с точки зрения успешности своей деятельности крайне зависимы от позиции ведущих игроков. В данном случае это Россия и Китай. Насколько устойчивой является нынешняя ситуация отсутствия явных противоречий в долгосрочной перспективе, судить крайне сложно (и это не является целью настоящей работы). В случае обострения отношений ШОС может оказаться бездейственной или расколотой. Сам факт двухполюсной организации международной структуры в регионе делает его сравнительно менее устойчивым, чем полицентрические структуры (подобные, например, классическому «концерту европейских держав», где различные комбинации сил приводили на протяжении всего XIX века к сравнительно устойчивому равновесию). По сути дела, все вопросы в ШОС пока «диктуются» логикой взаимоотношения России и КНР³¹; Казахстан является лишь «потенциальным» самостоятельным игроком.

---

³⁰ Iwashita A. The Shanghai Cooperation Organization and Its Implications for Eurasian Security: A New Dimension of Partnership after the Cold War Period. Slavic Eurasian Studies No. 2 «Slavic Euraisa's Integration into the World Economy and Community», 2004.

³¹ Laumulin M. The Shanghai Cooperation Organization as “Geopolitical Bluff”? A View from Astana. IFRI Working Paper, 2006, July.

Еще один вопрос – в какой степени ШОС способен справляться с «новыми типами угроз», все чаще возникающими в современном мире. Формально вопросы терроризма занимают одно из центральных мест в деятельности организации. Однако в какой степени речь идет именно о террористах, а в какой – об оппозиционных силах к господствующим в странах полуавторитарных режимах, сказать достаточно сложно. Сложно также сказать, сколь значительным является потенциал реагирования (copying capacity) структур ШОС на реальные кризисные ситуации в регионе. Общие проблемы антикризисного управления постсоветских политических режимов, сочетающих авторитарное отсутствие контроля и обилие вето-игроков, могут оказаться решающими, если ведущую роль не займет Китай, в большей степени соответствующий авторитарному образцу и связанным с ним преимуществам управления рисками. Однако потенциал влияния КНР в регионе – отдельный вопрос, который мы рассмотрим ниже. Обе указанные выше проблемы требуют повышенного внимания к интеграции ШОС в систему антитеррористических сетей по всему миру и, прежде всего, НАТО как одного из ключевых игроков в этом отношении, также уделяющего большое внимание противодействию террористической угрозы в регионе³². Оценки экспертов в отношении потенциала реагирования ШОС сильно разнятся³³.

В общем и целом, *перспективы ШОС как регионального сообщества безопасности являются сравнительно благоприятными, но судьба организации целиком и полностью зависит от характера отношения ведущих игроков*. Ее собственная «governance capacity» остается незначительной. Однако даже этот факт не отменяет того обстоятельства,

---

³² Weiz R. Terrorism in Eurasia: Enhancing the Multilateral Response. China and Eurasia Forum Quarterly, 2006, Vol. 4, No. 2

³³ Сравнительно благоприятная оценка приводится в: Iwashita A. Op. cit.; наоборот, критический анализ приводится в Laumulin, Op.cit. или Hilpert et al. Op. cit. Сильно различаются даже оценки конкретных событий: например, одним авторы утверждают, что ШОС оказалась «полностью не подготовленной» к событиям 11 сентября, а другие, напротив, ставят в пример ее быструю реакцию на произошедшее.

что любая институционализация международных отношений сама по себе создает стимулы для диалога и снижает трансакционные издержки переговоров. Для России *концентрация ШОС на вопросах региональной безопасности, безусловно, является большим преимуществом*: проблема лишь в том, как избежать «псевдоинтеграционных эффектов», о которых мы будем говорить ниже.

Военно-политический блок. Перспективы формирования подобной структуры являются сегодня основной темой для дискуссий, касающихся будущего ШОС. Хотя такая логика в какой-то степени заложена еще в известной «доктрине Примакова» конца 1990-х гг., рост внимания к военно-политической составляющей ШОС связан, прежде всего, с тональностью заявлений и деклараций двух последних саммитов ШОС (прошедших после серии «цветных» революций на постсоветском пространстве)³⁴. Напомним, что в 2005 г. на саммите ШОС прозвучал призыв к выводу военных баз США с территории Центральной Азии, за которым последовали как прекращение действия базы на территории Узбекистана, так и резкое повышение арендной платы в Кыргызстане. В 2005 г. же состоялись российско-китайские учения «Мирная миссия – 2005», вызвавшие обеспокоенность многих наблюдателей на Западе³⁵. Заявка США на статус наблюдателя в ШОС получила отказ. В 2006 г. на саммите ШОС присутствовал президент Ирана М. Ахмадинежад, отношение к которому (лично, а также к политическому режиму, который он представляет) западных стран очевидно. Причем Ахмадинежад не просто принял участие в работе встречи в верхах, но и выступил с большой речью. При этом Иран обратился с заявкой на членство в ШОС, которая,

---

³⁴ До 2005 г., наоборот, наблюдатели оценивали отсутствие антизападной ангажированности ШОС как ее преимущество как структуры региональной безопасности в противовес ОДКБ. См.: Karin E. The Shanghai Cooperation Organization and its Implications for Central Asia. Slavic Eurasian Studies No. 2 «Slavic Eurasia's Integration into the World Economy and Community», 2004.

³⁵ De Haas M. Russian-Chinese Military Exercises and their Wider Perspective: Power Play in Central Asia. Conflict Studies Research Center Russian Series 05/51, 2005, October.

впрочем, не была принята. В принципе на последнем саммите ШОС В. Путин заявил о том, что отождествление ШОС с военно-политическим блоком или новым Варшавским договором неверно³⁶, однако определенная потенция организации в этом отношении все же существует.

Главный параметр успеха этой линии развития ШОС – способность Китая стать действенным гегемоном на региональном пространстве. Очевидно, что Россия подобным гегемоном стать едва ли сможет (это четко подтверждают попытки формирования интеграционных структур на постсоветском пространстве) и, в любом случае, в отношениях с КНР будет являться, скорее, «ведомым», чем «ведущим». Поэтому с данной точки зрения расширение присутствия Китая может означать сокращение возможностей России по реализации автономных интеграционных проектов в Центральной Азии. В настоящее время реальные шансы КНР «организовать» евразийское пространство с целью формирования военно-политического блока, на наш взгляд, не следует переоценивать. Элиты стран СНГ, хотя и заинтересованы в сотрудничестве с Китаем, нередко настороженно относятся к его динамичному подъему. С этой точки зрения формирование потенциальных коалиций внутри ШОС, напротив, скорее содействует определенному «выравниванию» потенциального влияния КНР. Более того, Китай в какой-то степени «изолирован» в ШОС, взаимодействуя с другими постсоветскими государствами, которым (в силу соединяющего элиты капитала «социальной интеграции») пока еще легче договориться друг с другом, чем с КНР³⁷. Наконец, активизация военно-политического взаимодействия выведет на повестку дня множество конфликтов, способных парализовать действие организации³⁸.

---

³⁶ NewsInfo, 2006, 16 июня/

³⁷ Хотя вполне может быть справедливой и обратная ситуация: М.Б. Олкотт приводит следующую цитату «высокопоставленного дипломата»: «Когда рядом китайцы, русские не могут прибегнуть к своим обычным уловкам». См. Олкотт, цит. изд., с. 257/

³⁸ См., например, De Haas, op. cit.

В будущем данная ситуация, однако, может измениться, если рост китайской экономики продолжится, а нестабильность политических режимов в странах Центральной Азии (и, возможно, России) будет заставлять их уделять все большее внимание поиску внешних партнеров. Поэтому эффекты военно-политического союза ШОС для России заслуживают внимательного исследования.

Логика создания военно-политической организации несколько отличается от логики псевдоинтеграции, направленной на защиту существующих режимов (о ней речь пойдет ниже). Если для последней оппонирование Западу носит, скорее, характер внутривнутриполитической риторики, связанной с (естественным, вне зависимости от конкретной политики западных стран) «демократизирующим» воздействием ЕС и США, то для военно-политического блока ключевым является поиск возможностей для укрепления собственных позиций на международной арене, реализацию логики «политики власти» (*Machtpolitik*), в рамках которой неизбежны конфликты со всеми конкурирующими центрами мощи. Мы полагаем, что развитие ШОС в направлении военно-политического блока едва ли содействовало бы долгосрочным интересам России. Это связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, хотя в принципе реалистическая парадигма международных отношений, лежащая в основе возникновения таких военно-политических блоков, нейтральна к «внутреннему содержанию» конкурентов на международной арене, однако в современных условиях «защитная» псевдоинтеграция и формирование военно-политического блока – явления во многом комплементарные; второе нередко автоматически обеспечивает эффекты первого. Поэтому военно-политический блок ШОС обладал бы теми же негативными эффектами, что и псевдоинтеграция, лишь усиленными большей дисциплиной участников.

Во-вторых, «геополитическая» активность нередко требует значительных затрат ресурсов, отдача от которых ограничивается в лучшем случае символическим капиталом, ведет к возникновению излишних противоречий и конфронтаций, препятствующих эффективному развитию экономических и политических отношений. Все сказанное заставляет задуматься – целесообразно ли в настоящее время России осуществлять значительные инвестиции в подобный «символический капитал»? В любом случае, развитие ШОС по этому сценарию, безусловно, содействовало бы усилению «дилеммы безопасности» в отношениях России, США и Европейского Союза, возможные издержки которой Россия уже ощутила в ходе украинского «газового кризиса» зимы 2006 г.³⁹. Причем Китай в силу масштабности его экономических связей с промышленно развитыми странами, скорее всего, смог бы «маневрировать» в рамках ШОС между различными альтернативами отношений; Россия в силу ее значительно меньшей экономической роли в мировой экономике едва ли смогла бы реализовать подобную стратегию.

Таким образом, основной вывод, который можно сделать на основе данного анализа – *развитие ШОС по сценарию военно-политического союза возможно, но существует весьма значительная неопределенность в этом вопросе. Для России такой сценарий едва ли был бы благоприятен.*

Экономическая интеграция. Вне всякого сомнения, ШОС может сыграть роль международного форума бизнеса и точки организации международных проектов в конкретных областях – например, энергетических. Сегодня на повестке дня находится целый ряд подобных проектов: например, создание особой экономической зоны в районе Благовещенская и Хэйхе, обсуждавшееся в августе 2006 г., участие инвесторов из стран ШОС в крупномасштабных проектах на территории

---

³⁹ См. Либман А.М. Газовый конфликт России и Украины и Европейский Союз. // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем интеграции Института экономики РАН, 2006, №1-2(5-6).

государств-членов Организации, создание к 2010 г. магистральной сети оптоволоконной связи между странами Организации или строительство сети автомобильных магистралей. Насколько можно судить, ШОС в настоящее время концентрируется именно на таком формате сотрудничества, а остальные направления взаимодействия остаются, скорее, в области проектов⁴⁰. Данный формат ШОС, к тому же, предлагает конкретные преимущества частному и частно-государственному бизнесу, который может взаимодействовать в рамках Форума и Делового совета ШОС. Например, на саммите 2006 г. Государственным банком развития Китая и ВЭБ было подписано кредитное соглашение на сумму 500 млн. долл.

Возможности сколь бы то ни было более обширной кооперации, на наш взгляд, достаточно сомнительны. Прежде всего, это касается зоны свободной торговли – опасения постсоветских стран группировки относительно экспансии китайских товаров, очевидно, приведут к сохранению ограничительных мер. Еще менее вероятно введение режима свободного движения капиталов: китайских инвесторов нередко интересуют стратегические объекты собственности в странах СНГ, например, нефтегазовые компании, в отношении которых во все большем числе стран постсоветского пространства или уже существует, или формируется (как в России и Казахстане) консенсус относительно целесообразности обеспечения государственного контроля над этим сектором. И уж вообще невероятным с учетом обеспокоенности «китайской экспансией» российских политических элит, а также стремления урегулировать приток трудовых ресурсов из стран СНГ представляется нам введение режима свободного перемещения рабочей силы.

---

⁴⁰ См., например, интервью директора департамента экономического сотрудничества со странами СНГ МЭРТ РФ В. Спасского в: Время новостей, 2006, 29 июня.

Также нет уверенности в том, что ШОС сможет сформировать успешный энергетический форум за пределами конкретных проектов, тем более своеобразного «газового ОПЕК», о чем пишут многие СМИ. Ведь интересы стран-членов группировки в сфере энергетической безопасности сильно различаются. Россия, Узбекистан и Казахстан являются экспортерами энергоносителей, причем Казахстан в 2006 г. начал поставку углеводородного сырья в Китай, а Россия прорабатывает подобные возможности. Китай является одним из ключевых потребителей энергоносителей, высокая энергоемкость экономического роста которого, собственно говоря, и является важнейшим фактором роста цен на мировых рынках. Так что за пределами безопасности конкретных проектов поставок интересы стран все же серьезно различаются. Было бы странно, если бы Китай стал поддерживать картелирование рынка, рост цен на котором является одной из важнейших проблем для его экономического роста. Если «газовый ОПЕК» и будет создан, то, скорее, на основе сотрудничества России, Ирана и Алжира (инициативы «Газпрома» в отношении последней страны уже сегодня вызывают серьезную обеспокоенность в Европейском Союзе). Опять-таки, сказанное ни в коем случае не означает, что ШОС не сможет содействовать реализации отдельных взаимовыгодных проектов в энергетической сфере: здесь Организация может стать дополнительным форумом для переговоров и фактором обеспечения стабильности соглашений и снижения рисков.

В любом случае, для ШОС переориентация на экономические вопросы означала бы серьезные изменения в первоначальной структуре, а насколько готова к ним организация, пока сказать затруднительно. Итак, *развитие ШОС как широкомасштабной экономической интеграционной группировки нам представляется маловероятным, хотя ШОС может сыграть важную роль в осуществлении ключевых экономических проектов в регионе.* Для России роль ШОС как системы снижения рисков и

транзакционных издержек в отношении конкретных проектов является благоприятной, в то же время оценка возможных экономических эффектов от более глубоких форм интеграции, например, зоны свободной торговли в ШОС (не говоря уже о свободном движении факторов производства) требует дополнительных исследований, и вряд ли будет однозначно положительной.

Псевдоинтеграция. Суть псевдоинтеграции с точки зрения настоящей работы – использование интеграционной риторики для обеспечения международной легитимности и оппонирования внутренним конкурентам полуавторитарных и авторитарных режимов на постсоветском пространстве. В данном сценарии ШОС может стать как бы своеобразной «альтернативой СНГ» как «сообщества недемократических режимов» и реакции на глобальную «конкуренцию образца»⁴¹. Как отмечает Д.Е. Фурман, ШОС это «некая потенция большого евразийского объединения схожих, однотипных режимов, где надзирателем уже не Россия, а Китай»⁴². Примерно аналогичный вывод делает и В. Силитский: «Шанхайская организация сотрудничества может стать другим столпом авторитарного интернационала в регионе, вместе с СНГ»⁴³. Иначе говоря, кооперация стран опять-таки будет осуществляться для обеспечения стабилизации их внутренних режимов, создания большого «священного союза» недемократических государств.

Грань между «сообществом региональной безопасности», в любом случае уделяющим большое значение стабильности стран-участниц, и псевдоинтеграционной структурой, также ориентирующейся на поддержание стабильности – только уже, прежде всего, господствующих полуавторитарных режимов – в условиях доминирования в структуре

---

⁴¹ Либман А.М. Региональная реакция на глобальную институциональную конкуренцию. Общество и экономика, 2005, №6.

⁴² См. интервью на портале Polit.ru, <http://www.polit.ru/analytcs/2006/05/10/furman2.html>, 2006, 10.05.

⁴³ Silitski V. Contagion Deterred: Authoritarianism in the Former Soviet Union (the Case of Belarus). CDDRL Working Paper, 2006, No. 66, June.

полуавторитарных и авторитарных государств крайне тонкая. Так что сам успех ШОС в первом направлении может автоматически означать усиление на втором. Постсоветские режимы Центральной Азии нередко характеризуют любые оппозиционные силы как «террористические», а жесткое давление режима само по себе способствует радикализации оппозиции и усилению в ней влияния экстремистов. Наблюдателю извне крайне сложно отделить реальную ситуацию от пропагандистских конструкций. Определенные тенденции в развитии ШОС уже позволили ей частично реализовать псевдоинтеграционный сценарий. Например, страны ШОС в принципе поддержали И. Каримова в ходе конфликта в Андижане, являвшегося одной из важнейших угроз его режиму. Более того, именно после андижанских событий Узбекистан, ранее крайне скептически относившийся к ШОС, стал активно участвовать в работе Организации. Во время революции в Кыргызстане, по некоторым данным, КНР ратовал за принятие ШОС специального постановления в поддержку режима А. Акаева, хотя подобные меры в результате приняты не были. На саммите 2005 г. в Москве лидеры ШОС открыто выступили с резкой критикой политики «демократизации». Успех в сфере сотрудничества служб безопасности многом сближает ШОС (де-факто, а не де-юре) с постсоветской псевдоинтеграцией, где кооперация на уровне спецслужб также являлась одной из наиболее успешных сфер деятельности⁴⁴.

Таким образом, *ШОС в перспективе может стать одним из факторов консервации полуавторитарных режимов в постсоветских странах и в России*; авторитет Китая как сильнейшей региональной державы, безусловно, может стать фактором легитимации режимов. Такое развитие событий, исходя как из интересов режимов Центральной Азии, так и логики последних двух лет существования ШОС, представляется нам

---

⁴⁴ См.: Aslund A., Olcott M.B., Garnett, S.W., Getting It Wrong: Regional Cooperation and the Commonwealth of Independent States. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1999.

весьма вероятным. Более того, на наш взгляд, военно-политическую риторику ШОС было бы корректнее объяснять именно в рамках логики псевдоинтеграции, нежели реальной «политики власти». Безусловно, этот сценарий *не является благоприятным для перспектив экономических и политических преобразований на постсоветском пространстве,* проведение которых, по нашему мнению, является основным фактором успеха, помимо всего прочего, и региональной экономической интеграции. В то же время определенным ограничителем подобного сценария являются вызовы внутренней трансформации, стоящие перед самим Китаем. Даже оптимистические оценки развития Китая утверждают, что демократизация в перспективе способна стать определенной опасностью на пути его эволюции⁴⁵; а скептики считают «отложенные издержки» демократизации основанием для неизбежности кризиса китайской модели развития⁴⁶. Само по себе повышение благосостояния увеличивает спрос на демократические преобразования, а значит – снижает значимость фактора псевдоинтеграции в региональных процессах. Однако с какой скоростью будут идти преобразования в отдельных странах ШОС? И не приведут ли демократические преобразования к отказу от самой идеи регионального сотрудничества со стороны Китая? Дать однозначный ответ на эти вопросы сегодня едва ли возможно.

Форум для контактов. Данный вариант, безусловно, является наиболее пессимистическим с точки зрения возможностей развития ШОС. Однако опыт постсоветской и центральноазиатской интеграции заставляет нас, несмотря на все преимущества ШОС, о которых мы писали ранее, серьезно отнестись к подобному сценарию. Можно сказать, что он «наверняка реализуется»: трудно представить себе ситуацию, в которой стороны пошли бы на отказ от функционирования такого форума (если

---

⁴⁵ Попов В. Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае. М.: Дело, 2002.

⁴⁶ Импортированные институты в странах с переходной экономикой: Эффективность и издержки. М.: ИЭПП, 2003.

учесть, что даже значительно более конфликтные международные структуры нередко существуют длительный период времени). Кроме стандартных преимуществ снижения транзакционных издержек переговоров, о которых мы уже говорили, ни особых выгод, ни особых проблем такой вариант России создать не должен.

Таблица 1 обобщает наши выводы относительно сценариев развития ШОС в Центральной Азии.

Таблица 1

Сценарии развития ШОС и интересы России

Сценарий	Реализуемость	Оценка с точки зрения интересов России
Система региональной коллективной безопасности	Сравнительно высокая, однако зависит от взаимоотношений игроков	Позитивная при четком обособлении от «псевдоинтеграционных» эффектов
Военно-политический блок	Сравнительно низкая в краткосрочной перспективе; повышающаяся в долгосрочной перспективе при условии стабильности и роста в КНР и возрастания политических рисков для режимов в Центральной Азии	Негативная
Экономическая интеграция	Сравнительно высокая как системы содействия отдельным проектам; сравнительно низкая как широкомасштабного интеграционного проекта	Позитивная в отношении системы содействия отдельным проектам; в остальном требует дополнительных исследований

Псевдоинтеграция («Священный союз» полуавторитарных режимов)	Высокая	Негативная
Форум для контактов	В любом случае реализуется (вне зависимости от развития других сценариев)	Ограниченно позитивная

Говоря о роли региональных сообществ безопасности в Центральной Азии, нельзя не упомянуть **Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА)**, сформированное по инициативе президента Казахстана Н. Назарбаева. Данная группировка должна быть упомянута особо – это единственный крупный проект региональной кооперации, в котором одна из центральноазиатских стран СНГ являлась основным инициатором создания, а не просто «следовала» инициативам ведущих государств региона. Поэтому СВМДА является довольно четким отображением символической власти Казахстана в регионе, что отнюдь не означает возможность Совещания сыграть роль реального интеграционного центра. Инициатива по созданию СВМДА была представлена в октябре 1992 г. Н. Назарбаевым на Генеральной Ассамблее ООН. В 1995 г. пятнадцать стран-основателей подписали декларацию основных принципов Совещания. Первоначально участниками совещания являлись Афганистан, Азербайджан, КНР, Египет, Индия, Иран, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Палестинская автономия, Россия, Таджикистан, Турция и Узбекистан. В 2001 г. к СВМДА присоединилась Монголия. Статусом наблюдателя обладают ООН, ОБСЕ и шесть государств из других регионов мира, включая США. Последнее Совещание по взаимодействию и мерам доверия состоялось в 2006 г.; на нем в качестве наблюдателя присутствовала, помимо прочего, Лига

арабских государств. Следующее совещание предполагается провести в 2010 г. На основе решения Совещания 2006 г. должен быть создан постоянный Секретариат, который должен быть размещен в Алма-Ате.

СВМДА по своей архитектуре ориентируется на опыт ОБСЕ и предполагает играть роль дипломатического форума⁴⁷, концентрируясь на вопросах безопасности, стабильности, а в последнее время – борьбы с терроризмом. Однако именно опыт ОБСЕ в сочетании со спецификой азиатского континента (со значительно более жесткими противоречиями, дифференциацией режимов и большей готовностью к открытым конфликтам) заставляет нас усомниться в жизнеспособности указанной структуры. К тому же в определенной ситуации может возникнуть конкуренция СВМДА и ШОС, хотя такой сценарий с точки зрения «открытого регионализма» вовсе не представляется нам неизбежным. По всей видимости, СВМДА как институциональная структура может сохраниться и в будущем, но ее способность оказать реальное воздействие на процессы в регионе, по всей видимости, останется незначительной. Это не отменяет нашего тезиса, уже неоднократно фигурировавшего в рамках настоящей работы – любые институционализованные формы сотрудничества являются благоприятными с точки зрения снижения транзакционных издержек.

---

⁴⁷ Gleason G., Shaihtudinov M.E. Collective Security and Non-State Actors in Asia. *International Studies Perspectives*, 2005, Vol. 6.

Заключение

В настоящее время уже очевидно, что Россия не является единственной силой, структурирующей постсоветское пространство. Влияние альтернативных интеграционных проектов, как европейских, так и азиатских, является темой, которой следует уделять значительное внимание при исследовании проблемы постсоветской региональной кооперации. Однако если на западе страны СНГ взаимодействуют с уже сложившимся, мощным и структурированным региональным сообществом ЕС, то на востоке и на юге ситуация является совершенно иной. Большинство интеграционных группировок азиатских стран, в которых участвуют страны СНГ, или ограничивают свою реальную деятельность общими декларациями и небольшим числом конкретных проектов, или же концентрируют свое внимание на функции региональных сообществ безопасности и форумов, не пытаясь трансформироваться в полноценные интеграционные структуры.

Наиболее перспективной в этой связи представляется Шанхайская организация сотрудничества; однако среди сценариев эволюции этой организации есть и немало неблагоприятных для России и стран СНГ – прежде всего, ее трансформация в военно-политический блок или псевдоинтеграционное объединение. Соответственно, мы не считаем, что азиатские группировки (за исключением, при определенном сценарии развития, ШОС) могут стать конкурентами России в отношении постсоветской интеграции. Однако мы также не видим оснований предполагать, что азиатский вектор интеграции станет источником импульсов к трансформации и развитию, как это происходит на западе постсоветского мира с ЕС. Поскольку проблемы псевдоинтеграции в целом играют важнейшую роль для азиатских интеграционных структур, как и структур СНГ, высока вероятность негативного воздействия успеха

азиатской региональной интеграции на эволюцию постсоветских стран (прежде всего, речь идет о проекте ШОС).

Впрочем, на наш взгляд, в отношении группировок азиатских стран еще в большей степени, чем в других субрегионах постсоветского пространства, целесообразно ориентироваться на принципы «открытого регионализма». Тогда отдельные проекты видятся не «экономическими крепостями» или «военно-политическими блоками», втянутыми в борьбу за экономическую и политическую власть, а функциональными пересекающимися проектами, преследующими конкретные цели и являющимися (порой, альтернативными) каналами интенсификации экономического сотрудничества. В этой связи, однако, крайне важен прагматичный подход к азиатским интеграционным группировкам, а не преследование «глобальных целей», как, например, обеспечения «многополярности» мирового сообщества. Поэтому Россия должна вести активный диалог со всеми существующими проектами, не принимая на себя, однако, жестких «блоковых» обязательств. Основное внимание должно уделяться отдельным экономическим проектам и созданию общей «инфраструктуры безопасности» в регионе. Крайне привлекательным, на наш взгляд, является создание трансконтинентальных проектов с участием как азиатских, так и европейских стран; в этом случае импульсы модернизации, связанные с западными странами, могут «достичь» и азиатского региона СНГ.

Пространство СНГ нередко воспринимается как «зона естественного влияния» нашей страны, «оспариваемая» странами других регионов, которым следует «противостоять». Мы не можем согласиться с таким представлением: во-первых, современное мировое сообщество столь гибко и динамично, что такого явления, как «зона естественного влияния», не может быть вообще: поэтому корректнее ставить вопрос о том, что Россия должна вновь стать привлекательной для стран постсоветского

пространства. Во-вторых, что еще более важно, сама по себе логика в «зонах исключительных интересов» является архаичной и не соответствует реалиям глобальных и региональных проблем, требующих сотрудничества множества игроков. Этот принцип, безусловно, применим и к взаимодействию стран СНГ с азиатскими интеграционными группировками.